

ФИЛОСОФСКИЙ ПОЕДИНОК

ТОМАС
КАРЛЕЙЛЬ

«ВОЖДЬ
НАЦИИ»

СОТВОРЕНИЕ
КУМИРА

МАНУЭЛЬ
САРКИСЯНЦ

ФИЛОСОФСКИЙ ПОЕДИНОК

**Серж Московичи
Альбер Камю
Теодор Адорно
Томас Карлейль
Мануэль Саркисянц
Вождь нации.
Сотворение кумира**
Серия «Философский поединок»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67930253
«Вождь нации». Сотворение кумира. / Карлейль Т., Саркисянц М.:
Родина; Москва; 2022
ISBN 978-5-00180-700-1*

Аннотация

Томас Карлейль (1795 – 1881) – британский философ, писатель и публицист. Он исповедовал романтический «культ героев» – исключительных личностей вроде Наполеона, которые своими делами исполняют божественное предназначение и двигают человечество вперёд, возвышаясь над толпой ограниченных обывателей. Не случайно один из разделов книги Карлейля назывался «Люди и герои», а в других он предписывал

жизненные правила для общества, существующего на подобных принципах.

Мануэль Саркисянц (1923–2015) – немецкий социолог, политолог и историк, армянин по национальности. Теорию «великих личностей», «сверхчеловеков» Саркисянц рассматривал как идеологическую базу нацизма, а идейным вдохновителем нацистов, наряду с Ницше, он считал Томаса Карлейля.

В сборнике представлены работы Карлейля, Саркисянца и других известных философов, посвящённые теме «вождизма».

Содержание

Часть 1	7
Томас Карлейль	7
«Миссионеры порядка»	9
Страшные иллюзии	20
Люди и герои	29
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Ф И Л О С О Ф С К И Й П О Е Д И Н О К

**Томас Карлейль.
Мануэль Саркисянц
«Вождь нации».
Сотворение кумира**

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Р О Д И Н А

© Перевод с английского В. Яковенко, перевод с итальянского Г. Смирнова, В. Дмитриченкова, П. Козлова, перевод с немецкого М. Попова, М. Кондратенко, М. Некрасова, перевод с французского Е. Головиной, М. Ваксмахера, Т. Еме-

льяновой, Г. Дилигенского

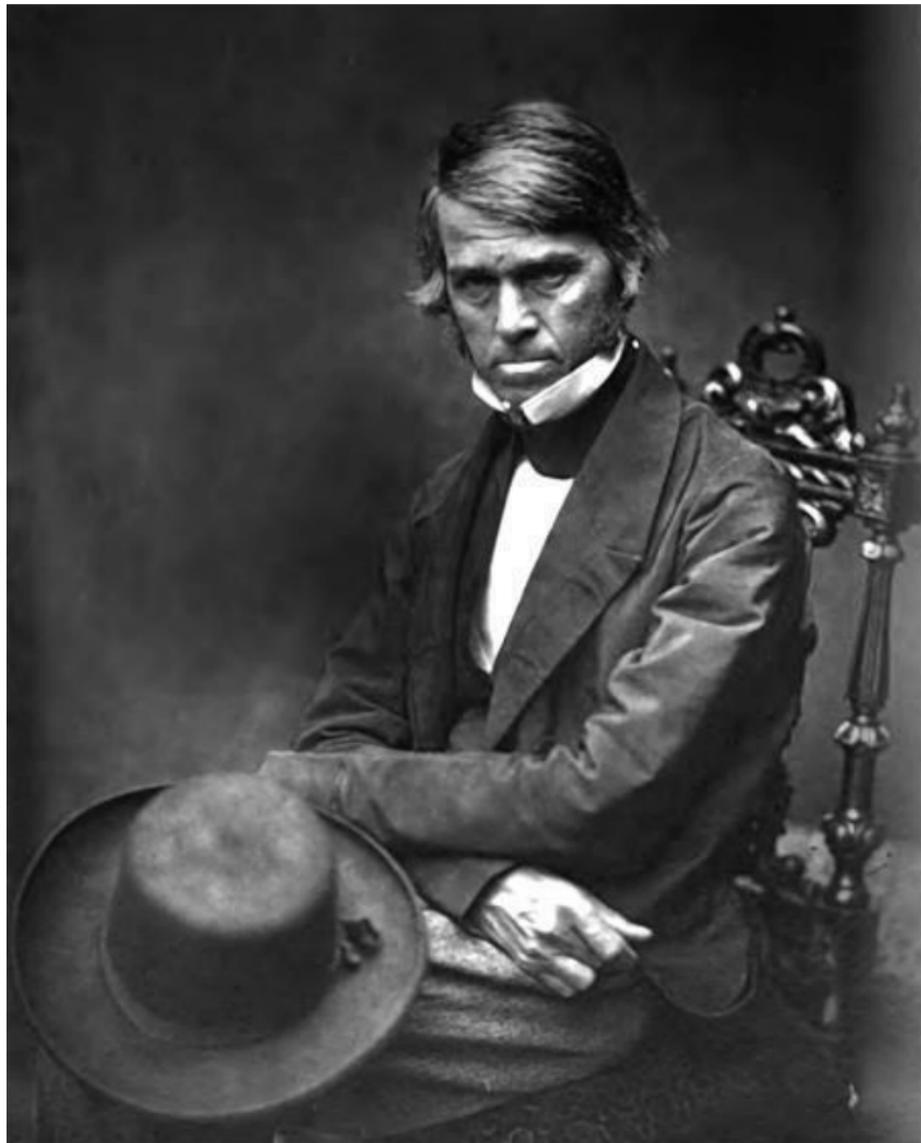
© Саркисянц М. (Sarkisyanz E.), Московичи С. (Moscovici S.), Адорно Т. (Adorno T.), Камю А. (Camus A.), правообладатели

© ООО «Издательство Родина», 2022

Часть 1

Обретение вождя

Томас Карлейль
«Might is Right». Сила – это право
(из книг «Героическое в истории»,
«Прошлое и настоящее».
Перевод В. Яковенко)

Томас Карлейль (1795 – 1881) родился в простой кре-

стьянской семье. По окончании курса в Эдинбургском университете он стал учителем математики, а затем жил в основном на случайные литературные заработки.

В своих произведениях Карлейль жестко делит общество на вождей и массу. Он считал, что массы носят в себе разрушительно начало, а вожди возвращают порядок в общество и подвигают его на великие свершения. Взгляды Карлейля в чём-то предвосхитили воззрения Ницше с его культом сверхчеловека, а через него – Гитлера и других фашистских идеологов.

«Миссионеры порядка»

Вопрос о правителе неизбежно вызывает массу связанных с ним мыслей, затрагивает вопросы глубокие, спорные и действительно неисчерпаемые; но мы в настоящую минуту безусловно принуждены воздержаться от какого бы то ни было обсуждения большинства их.

Я же скажу, что все социальные процессы, какие только вы можете наблюдать в человечестве, ведут к одной цели – достигают ли они ее или нет, это другой вопрос, – а именно: открыть своего вождя и облечь его символами способности: величием, почитанием как достойнейшего, саном короля, властелина или чем вам угодно, лишь бы он имел действительную возможность руководить людьми соответственно своей способности. Отыщите человека самого способного

в данной стране, поставьте его так высоко, как только можете, неизменно чтите его, и вы получите вполне совершенное правительство, и никакая избирательная урна, парламентское красноречие, голосование, конституционное учреждение, никакая вообще механика не может уже улучшить положение такой страны ни на йоту. она находится в совершенном состоянии; она представляет собою идеальную страну.

Вождь – это означает также самый искренний, справедливый, самый благородный человек; то, что он указывает нам делать, является всегда самым мудрым, самым надлежащим делом, до какого только мы можем додуматься каким бы то ни было образом и где бы то ни было, – обязательным делом, которое мы должны делать, пуская в ход все зависящие от нас средства, с открытой доверчивостью и признательностью к своему руководителю, нисколько не сомневаясь в нем!

Но, увы, мы очень хорошо знаем, что идеалы никогда в полной мере не осуществляются в действительности. Идеалы всегда должны оставаться на некотором довольно значительном расстоянии, и нам приходится довольствоваться известным приближением к ним и быть признательными за это! Пусть человек, как выражается Шиллер, не измеряет старательно в соответствии с масштабом совершенства жалкого мира реальности. Мы не признаем такого человека мудрым, мы считаем его болезненным, вечно брюзжащим, глупым человеком. Но, с другой стороны, не следует никогда забывать, что идеалы должны существовать; что если мы во-

все не будем к ним приближаться, то все погибнет!

Самый искусный каменщик не может вывести стены совершенно вертикально, это математически невозможно; он удовлетворяется известною степенью приближения к вертикали и, как хороший каменщик, понимающий, что он должен же когда-нибудь покончить со своею работою, оставляет ее в таком виде. но что выйдет, если он позволит себе слишком отклониться от вертикального направления; в особенности если он забросит совсем свой отвес и ватерпас и станет беззаботно класть кирпич на кирпич, как они подвертываются ему под руку. Подобный каменщик, я полагаю, становится на опасный путь. он забылся; но закон тяготения не забывает действовать, – и вот работник и стена, возводимая им, превращаются в беспорядочную кучу развалин.

Такова, в сущности, история всех восстаний, французских революций, социальных взрывов в древние и новые времена. Во главе дела оказывается слишком неспособный человек, слишком лишенный благородства, мужества, слишком бестолковый человек. Люди как будто забывают, что существует известное правило или своего рода естественная необходимость, чтобы место это занимал способный человек.

Кирпич должен лежать на кирпиче, насколько это возможно и необходимо. неумелая подделка способности соединяется неизбежно с шарлатанством во всякого рода делах управления, дела остаются неупорядоченными, и обще-

ство приходит в брожение от бесчисленных упущений, нужд и бедствий; миллионы несчастных протягивают руки, чтобы получить должную поддержку как в материальной, так и в духовной жизни, а ее нет. Закон тяготения действует; действуют все законы природы; несчастные миллионы разражаются санкюлотизмом или каким-либо другим безумием: кирпичи рассыпаются, каменщики ниспровергаются и лежат поверженные в фатальном хаосе!

* * *

Целые груды злополучных фолиантов были исписаны столет и больше тому назад относительно незыблемости известных государственных форм; никто теперь не читает их, и они превращаются в прах в наших публичных библиотеках. Мы далеки от мысли нарушить мирный процесс их исчезновения с лица земли, совершающийся там, в этих книгохранилищах, но в то же время, дабы весь этот непомерный мусор не исчез, не оставив по себе даже следа, я должен сказать, что он заключает в себе, если только мы заглянем в самую суть дела, действительно нечто истинное, нечто ценное, и для нас, как и для всех вообще людей, важно сохранить это истинное навсегда. что делать нам с заключающимися в них рассуждениями о властителях и присущей им непогрешимости, – что делать нам с подобными рассуждениями, как не оставить их гнить в безмолвии публичных книгохранилищ? но вместе с

тем я утверждаю – и так именно, думается мне, эти люди понимали свое «божественное право», – что они, как и все человеческие авторитеты и вообще всякие отношения, какие люди, Богом сотворенные, устанавливают между собою, отменяются действительно печатью или божественного права, или дьявольского бесправия.

То или другое! Ибо это совершенная ложь, будто бы, как поучал предыдущий скептический век, наш мир есть паровая машина. Существует Бог в мире, и божественная санкция должна таиться в недрах всякого управления и повиновения, лежать в основе всех моральных дел людских. Нет дела, связанного более тесно с нравственностью, чем дело управления и повиновения. Горе тому, кто требует повиновения, когда не следует; горе тому, кто не повинует, когда следует!

Таков божественный закон, говорю я, каковы бы ни были законы, писанные на пергаменте: в основе всякого требования, обращенного человеком к человеку, лежит божественное право или, иначе, дьявольское бесправие.

Каждому из нас следовало бы посерьезнее подумать об этом; повсюду в жизни нам приходится иметь дело с указываемым мною фактом, который в искренней преданности и истинном величии находит себе высочайшее выражение. наше время глубоко заблуждается, полагая, будто бы все движется эгоистическими интересами, при помощи пружин и рычагов алчущего плутовства, короче сказать, будто

бы в союзе людей нет ровно ничего божественного; я нахожу, что подобное заблуждение заслуживает большего презрения, как бы оно ни было естественно для века неверия, чем признание «непогрешимости» за людьми, именующими себя высшими авторитетами.

Я утверждаю: укажите мне истинного вождя, и окажется, что он имеет божественное право надо мною. Исцеление, которого так жадно ищет наш болезненный век, зависит именно от того, знаем ли мы сколько-нибудь удовлетворительно, как найти такого человека, и склонны ли будут все люди признать его божественное право, раз он будет найден!

Истинный вождь, как руководитель практической жизни, всегда представляет собою до известной степени также и первосвященника, руководителя духовной жизни, которая определяет собою в действительности все практические дела. Поэтому справедлива также мысль, что король есть глава церкви. но мы не станем перебирать всю эту полемическую материю, ставшую уже достоянием минувших веков; пусть она спокойно поживает в своих переплетках!

Конечно, поистине ужасное положение – стоять перед необходимостью отыскать своего способного человека и не знать, как это сделать! В таком именно печальном положении находится наш мир в настоящее время. Мы переживаем, собственно, критический период, который затянулся уж слишком надолго. Каменщик, переставший сообразовываться с показаниями отвеса и законом тяготения, упал, а вместе

с ним рухнула стена, рассыпались кирпичи, и все это представляет теперь, как видим, груды развалин!

Вера замерла и исчезла; повсюду воцарилось сомнение и безверие. Каменщик швырнул прочь свой свинцовый отвес. он сказал себе: «что такое тяготение? Ведь вот кирпич лежит на кирпиче!» Увы, разве не звучит до сих пор для многих из нас как-то странно всякое утверждение, что делам людей, созданных Богом, присуща правда Божья, что человеческая деятельность вовсе не какое-то кривляние, «средство», дипломатия и, право, не знаю еще что!

* * *

Мы должны возвратиться к истине, чего бы это ни стоило – наводящего страх правления, ужасов Французской революции или чего-то еще. Да, в этом есть истина, объятая огнем преисподней, так как иначе ее не желали получить.

В самом деле, без Французской революции мы вряд ли знали, что вообще надлежало делать с таким временем, как наше. Мы предпочли бы отнестись к Французской революции, как потерпевшие крушение мореплаватели к суровой скале, возвышающейся среди бездонного моря и бескрайних волн. Это настоящий, хотя и ужасный, апокалипсис (откровение) для этого изолгавшегося, поблекшего, искусственно-го времени; апокалипсис, свидетельствующий еще раз, что природа – сверхъестественна; что если она не божественная,

то дьявольская; что кажущееся не есть действительное; что кажущееся обязательно должно уступить место действительному, или иначе мир подложит под него огонь, сожжет и превратит его в то, что оно есть на самом деле, – в ничто!

Всяким правдоподобностям настал конец, пустой рутине настал конец; многому настал конец. И вот все это было возвещено людям во всеуслышание, подобно трубному звуку в день Страшного суда. Изучите же по возможности скорее этот апокалипсис, и вы станете мудрейшими людьми. Пройдут многочисленные поколения с омраченным сознанием, прежде чем он будет понят надлежащим образом, однако мирная жизнь невозможна, пока это не свершится!

Серьезный человек, окруженный, как всегда, массой противоречий, может теперь терпеливо ожидать, терпеливо делать свое дело. Смертный приговор всему недействительному всегда и прежде был написан на небесах; но теперь этот смертный приговор объявлен на земле: вот что он может видеть в настоящее время своими глазами. И конечно, сказал бы я, обращаясь к другой стороне вопроса, такой человек, убеждаясь, с какими трудностями приходится иметь дело в данном случае и как быстро, страшно быстро во всех странах дает себя знать неумолимое требование разрешить их, – легко может найти себе иной, более подходящий труд, чем работа в настоящий момент в сфере санкюлотизма!

Почитание вождей и героев, – как странно звучали бы эти слова для деятелей и борцов Французской революции! Они,

по-видимому, отрицали всякое уважение к великим людям, всякую надежду, веру, даже желание, чтобы великие люди появились снова в нашем мире. Природа, обращенная в «машину», казалась как бы истощенной; она отказывалась производить великих людей. Если так, то я ей сказал бы: пусть она в таком случае откажется вовсе от дела, ибо мы не можем жить без великих людей. Но я вовсе не намерен входить здесь в разбирательство и споры по поводу известного девиза «свобода и равенство», по поводу веры, что, раз великих и мудрых людей не существует, следует удовлетвориться шаблонной несметной толпой глупых маленьких людей.

Такова была естественная вера в ту пору и при тех обстоятельствах. «Свобода и равенство, – прочь всякие авторитеты! Раз почитание героев, признание подобных авторитетов оказалось ложным, – поклонение вообще есть ложь; не надо никакого поклонения более! Мы извели такие подделки; мы не хотим теперь ничему верить. на рынке обращалось слишком много низкопробной монеты, и все убедились теперь, что золота не существует более и что даже мы можем обойтись совершенно свободно без всякого золота!»

Подобные мысли я нахожу, между прочим, в раздававшихся тогда повсеместно криках о свободе и равенстве и считаю их весьма естественными, при существовавших в ту пору условиях. И однако, все это движение представляет, конечно, всего лишь переход от лжи к истине. Если мы вздумаем рассматривать его как полную истину, то оно превратится

в совершенную ложь; будучи продуктом полного скептического ослепления, оно является всего лишь простым усилием проникнуть в действительность. Почитание героев существует всегда и повсюду: не в одной только лояльности выражается оно; оно сказывается как в преклонении перед божеством, так и в самых мелочных фактах практической жизни. Простой «поклон», если только он не пустая гримаса, которую лучше в таком случае не проделывать вовсе, есть также поклонение герою – признание, что здесь в лице нашего брата мы приветствуем нечто божественное, что всякий сотворенный человек есть «откровение во плоти».

Люди, придумавшие все эти изящные реверансы, делающие жизнь благородной, были, несомненно, также поэтами. Учтивость – вовсе не ложь и не гримаса, и нет никакой надобности, чтобы она становилась тем или другим. И лояльность, даже религиозное поклонение до сих пор еще возможны; нет, скажу больше, они до сих пор еще неизбежны.

Далее, не вправе ли мы утверждать, что, хотя многие из наших позднейших героев действовали собственно как революционеры, тем не менее всякий человек, всякий неподдельно искренний человек по своей натуре – сын порядка, а не беспорядка?

Работать на пользу революции для искреннего человека составляет поистине трагическое положение. Он становится как бы анархистом; и действительно прискорбная атмосфера анархии окутывает каждый его шаг, между тем как

он относится к анархии безусловно неприязненно и ненавидит ее от всей души. его миссия, как миссия всякого человека, – порядок. человек существует для того, чтобы превратить все беспорядочное, хаотическое в упорядоченное, урегулированное. он – миссионер порядка.

Действительно, разве человеческий труд в этом мире служит не созиданию порядка? плотник берет обрубок дерева: он придает ему форму, обтесывает его с четырех сторон, приспособляет к известной цели и для известного употребления. Мы все – врожденные враги беспорядка; для всех нас тяжело вмешиваться в дело ниспровержения установленных порядков, в дело разрушения; для великого же человека, который еще более человек, чем мы, и вдвое тяжелее того.

Итак, всякое человеческое дело, в том числе и безумнейший французский санкюлотизм, служит в действительности и должен служить на пользу порядка. Между этими санкюлотами, говорю я, не найдется человека, который в самом пылу неистового безумия не преследовал бы неотступно все-таки идеи порядка. Самым фактом своей жизни он подтверждает это; ведь беспорядок есть разложение, смерть. Всякий хаос неизбежно ищет свой центр, вокруг которого он мог бы вращаться. Пока человек будет человеком, наполеоны всегда будут неизбежным завершением санкюлотизма.

Страшные иллюзии

Громкие победы Наполеона, наполнившие шумом всю Европу, поднимают его на слишком высокие ходули; но настоящий рост человека от этого ведь нисколько не изменяется. По самому складу своего характера, так сказать, компактного, во всех отношениях законченного, быстрого, он представляется человеком маленьким. Мы видим какую-то чудовищную помесь героя с шарлатаном! Юмовская теория о фанатике-лицемере, поскольку она включает в себе истину, с гораздо большим успехом может быть применена к Наполеону, чем к Кромвелю, Магомету и подобным им людям, по отношению к которым, строго говоря, она оказывается совершенно неправильной.

Выражение «лживый, как рапорт» стало общей поговоркой во времена Наполеона. он старается оправдываться; он говорит, что необходимо вводить в заблуждение неприятеля, поддерживать бодрость духа в рядах своих и т. д. но в конце концов тут не может быть никакого оправдания. человек ни в коем случае не располагает правом говорить ложь. И для Наполеона было бы также лучше, если бы он только думал не об одном завтрашнем дне, не говорить вовсе лжи.

Действительно, если человек преследует цель, которая имеет отношение не только к данному часу и дню, но рассчитана и на последующие дни, в таком случае что же хороше-

го может получиться из распространения лжи? Со временем ложь раскрывается, и гибельная кара ожидает человека; никто уж более не поверит ему, не поверит даже в том случае, когда он говорит правду и когда для него в высшей степени важно, чтобы ему поверили. Повторяется старинный рассказ о волке и пастухе!

Ложь есть ничто, вы не можете из ничего создать что-нибудь; в конце концов вы получаете тоже ничто, да в придачу теряете еще попусту время и труд, однако Наполеон был искренен. Мы должны различать поверхностное и существенное в искренности. В ворохе всех этих внешних маневрирования и шарлатанских проделок Наполеона, правда, многочисленных и заслуживающих самого горячего порицания, мы не должны проглядеть и того, что этот человек понимал действительность каким-то инстинктивным, непреложным образом и опирался на факт; пока он вообще опирался на что-либо. Его инстинктивное чутье природы было сильнее его образованности.

Во время египетской экспедиции, рассказывает Бурьенн, его ученые деятельно занялись рассуждениями на тему о невозможности существования Бога и, к своему удовольствию, подтвердили свой тезис всевозможными логическими доводами. Наполеон же, глядя на звезды, сказал им: «Вы рассуждаете, господа, весьма остроумно, но кто создал все это?» Всякая атеистическая логика сбегала с него как с гуся вода; величественный факт сиял перед ним в своем блеске.

«Кто создал все это?»

Точно так же и в практических делах: он, подобно всякому человеку, который может стать великим человеком или одержать победу в этом мире, смотрит, минуя всякого рода внешние запутанности, в самое сердце практического дела и прямо направляется к нему. Когда управляющий Тюильрийским дворцом показывал Наполеону новую обстановку и, расхваливая ее, обращал его внимание на роскошь и вместе с тем дешеvizну всего, Наполеон слушал больше молча и, потребовав ножницы, отрезал золотую кисть от оконной гардины, положил ее себе в карман и вышел. несколько времени спустя, воспользовавшись подходящей минутой, он вынул, к ужасу своего управляющего, эту кисть: она оказалась не золотой, а из фольги!

Замечательно, как даже на острове Святой Елены, в последние дни своей жизни, он постоянно обращал внимание на практическую, реальную сторону событий. «К чему разговоры и сетования, а главное, зачем вы пререкаетесь друг с другом. Это не приведет ни к каким результатам, ни к какому делу. Лучше не говорите ничего, если вы ничего не можете делать». Он часто разговаривает подобным образом со своими злополучными, недовольными сотоварищами; и он выделяется между ними подобно глыбе, таящей в себе действительную силу, среди болезненно раздражительных ворчунов.

В первый период своей деятельности Наполеон был истинным демократом. но благодаря своему природному чутью, а также военной профессии он понимал, что демократия в истинном смысле этого слова не может быть отождествляема с анархией. Этот человек ненавидел в глубине своего сердца анархию. В знаменитое 20 июня (1792 г.) Бурьенн и он сидели в кофейне, когда чернь волновалась вокруг, причем Наполеон высказывался самым презрительным образом о властях, не сумевших смирить «этой сволочи». 10 августа он удивляется, как это не находится человека, который стал бы во главе бедных швейцарцев: они победили бы, если бы такой человек нашелся.

Вера в демократию и ненависть к анархии – вот что воодушевляло Наполеона во всех его великих делах. В период блестящих итальянских кампаний он, можно сказать, был воодушевлен стремлением добиться торжества Французской революции; защитить и утвердить ее в противоположность австрийским «призракам», которые стараются представить ее, Французскую революцию, в виде «призрака», но вместе с тем он понимал, и был прав, что сильная власть необходима, что помимо такой власти невозможно дальнейшее существование и развитие самой революции. И разве он, хотя бы отчасти, не стремился действительно к этому, как к истинной

цели своей жизни; нет, более того, разве он не успел на самом деле укротить Французскую революцию настолько, что мог обнаружиться ее настоящий внутренний смысл, причем она стала органической и получила возможность существовать среди других организмов и форм не как одно только опустошительное разорение?..

В нем был провидящий глаз и деятельная, отважная душа. Он естественно выдвинулся, чтобы стать вождем. Все люди видели, что это так. Простые солдаты рассуждали в походах: «Уж эти болтливые адвокаты, там, в Париже, наверху: им бы все одни разговоры и никакого дела. Что же удивительного, если все идет так плохо? Нам нужно отправиться туда и посадить на их место нашего маленького капрала!». Они пошли и посадили его там: они и Франция с ними. Затем консульство, императорство, победа над Европой, и неведомый лейтенант артиллерии, в силу естественного хода событий, мог действительно смотреть на самого себя как на величайшего человека, какой только появлялся среди людей в последние века.

Но с этого момента, как я думаю, фатальный элемент шарлатанства берет верх. Наполеон становится вероотступником; он отказывается от своей прежней веры в действительность и начинает верить в призраки; старается связать себя с австрийской династией, папством, с отжившим фальшивым феодализмом, со всем, что, как он некогда ясно видел, представляло ложь; думает, что он должен основать свою соб-

ственную династию, одним словом, находит, что весь смысл чудовищной Французской революции заключался именно в этом!

Таким образом, человек впал в страшную иллюзию, которую он должен был бы считать ложью; ужасное, но вполне достоверное дело. он не умеет теперь различить истинное от ложного, когда ему приходится иметь дело с тем и другим, – жесточайшее наказание, какое только постигает человека за то, что он позволяет неправде заполнить свое сердце.

«Я» и ложное честолюбие становится теперь его богом; раз человек дозволил себе впасть в самообольщение, все другие обольщения совершенно естественно и все больше и больше завладевают им. В какие жалкие лохмотья актерского бумажного плаща, маскарадного наряда, фольги облекает этот человек свою великую реальность, думая сделать ее, таким образом, еще более реальной! А этот его пресловутый конкордат с папой с целью якобы восстановления католицизма, который, однако, как он сам видел, вел к уничтожению его; эта коронационная церемония, это посвящение в императорский сан древней итальянской химерой в соборе Парижской Богородицы, где, как говорит Ожеро, «все было сделано, чтобы поразить пышностью, – недоставало только пятисот тысяч человек, погибших в борьбе против всего этого!»

Бедный Наполеон заблуждался: он слишком верил в людскую глупость, он не видел в людях ничего более существен-

ного, чем голод и глупость! Он заблуждался. он походил на человека, который выстроил свой дом на облаке; он сам и его дом погибли в беспорядочной куче развалин и исчезли в беспредельном пространстве мира.

* * *

Увы, подобного рода шарлатанство есть в каждом из нас, и оно может развиваться, если искушение слишком велико! «Не введи нас во искушение!», но, говорю я, обстоятельства складываются так фатально, что шарлатанство неизбежно развивается. Всякое дело, в котором оно играет сознательную роль, становится во всех отношениях преходящим, временным, и как бы такое дело ни было по-видимому громадно, оно в сущности маленькое дело. И действительно, что такое, собственно, эти подвиги Наполеона с их громким шумом? Вспышка пороха, распространившаяся, так сказать, на большом пространстве; пламя как бы от горящего сухого вереска. Кажется, что дым и огонь охватывают всю вселенную, но это только на один час. Все проходит, и вы снова видите ту же вселенную с ее горами и реками, со звездами в вышине и доброй землей под ногами.

Веймарский герцог обыкновенно говорил своим друзьям, что не следует терять мужества, что весь этот наполеонизм был несправедлив, ложен и не мог долго просуществовать. И он правильно рассуждал. чем беспощаднее Наполеон попи-

рал весь мир, чем больше угнетал его, тем свирепее должно было быть возмущение мира против него, когда настал день несправедливости приходится расплачиваться ужасающими процентами на проценты за свои деяния.

Я не знаю, право, не лучше ли было бы для Наполеона потерять свой лучший артиллерийский обоз или целый полк своих лучших солдат в волнах моря, чем расстрелять бедного немецкого книгопродавца Пальма! Это была вопиющая, смертельная несправедливость тирана, несправедливость, которую никто и ничто не в силах смягчить, каким бы толстым слоем румян ни прикрывать ее. Подобно раскаленному железу, она, как и всякая такая несправедливость, глубоко вонзилась в сердца людей и воспламеняла ярким пламенем глаза их всякий раз, когда они возвращались к мысли о ней, выжидая своего дня! И день настал: Германия поднялась.

Из всего совершенного Наполеоном останется в конце концов только то, что было совершено им справедливо, что санкционировала природа своими законами, что исходило из ее реальности; только это, и больше ничего. Все остальное дым и разрушение. Наполеон представляет собою величественный абрис, грубый набросок, никогда не доведенный до конца. Но разве не то же следует сказать, в сущности, о всяком великом человеке? Увы, да, – набросок, оставленный в слишком грубых очертаниях!

В мыслях, высказываемых Наполеоном на острове Святой

Елены по поводу мировых событий, звучит что-то почти трагическое. Он испытывает, по-видимому, вполне неподдельное удивление, что все совершилось таким образом, что он выброшен на эту голую скалу, а мир продолжает вращаться вокруг своей оси. Франция – могущественна и всемогуща, а, в сущности, ведь он есть Франция. Даже Англия, говорит он, составляет, в сущности, всего лишь принадлежность Франции, «другой остров для Франции».

Так выходило по сущности, по наполеоновской сущности, и, однако, что же случилось в действительности: где я? он не мог понять этой метаморфозы; для него было непостижимо, каким образом действительность оказалась не соответствующей его программе: Франция – не всемогущей Францией, а он – не Францией. «Страшная иллюзия»: он должен был верить в то, чего, по его мнению, не существует!

Его сосредоточенная, проницательная, решительная натура итальянца, некогда сильная и искренняя, погрузившись, так сказать, полураспустилась в мутной среде французского фанфаронства. Люди оказались вовсе не расположенными к тому, чтобы их попирали ногами, чтобы их связывали вместе и сколачивали, как он того хотел, для пьедестала Франции и Наполеона, – люди имели в виду совершенно другие цели!

Удивление Наполеона было чрезмерно, но, увы, как помочь делу? Он шел своим путем, а природа – своим: отказавшись раз от действительности, он очутился в безнадежной пустоте. Для него не было возврата. ему оставалось уныло и

печально погрузиться в эту пустую пучину, с чем редко примирится человек, – разбить свое великое сердце и умереть.

Люди и герои

1. Искреннюю радость доставляет человеку возможность восхищаться кем-нибудь; ничто так не возвышает его – хотя бы на короткое время – над всеми мелочными условностями, как искреннее восхищение. В этом смысле было сказано: «Все люди, в особенности женщины, склонны к преклонению» – и преклоняются перед тем, что хоть сколько-нибудь того достойно. Можно обожать нечто, хотя бы оно было весьма незначительно; но невозможно обожать чистейшее, ноющее ничтожество.

2. Я думаю, что уважение к героям, в различные эпохи проявляющееся различным способом, является душой общественных отношений между людьми и что способ выражения этого уважения служит истинным масштабом для оценки степени нормальности или ненормальности господствующих в мире отношений.

3. Богатство мира состоит именно в оригинальных людях. Благодаря им и их творениям мир есть мир, а не пустыня. Воспоминание о людях и история их жизни – выражение его силы, его священная собственность на вечные времена, поддерживающая его и, насколько возможно, помогающая ему пробиваться вперед сквозь неизведанную еще глубину.

4. Можно возразить, что я проповедую «поклонение героям». если хотите, да, – друзья, но поклонение прежде всего должно выразиться в том, что сами мы будем героически настроены. Мир, полный героев, вместо целого мира глупцов, в котором ни один доблестный король не может царствовать, – вот чего мы добиваемся! Со своей стороны мы отбросим все низкое и лживое; тогда только сможем надеяться, что нами будет управлять благородство и правда, но не раньше.

5. Сказано: «если сами мы холопы, для нас не может быть героев». Мы не узнаем героя, даже если увидим его, – мы примем шарлатана за героя.

6. Ты и я, мой друг, мы можем в этом отменно холопском мире создать из себя каждый из нас по одному, не холопу, герою, если мы захотим. Таким образом, получились бы для начала два героя. Мужайся! Так можно создать целый мир героев или хоть по мере возможности содействовать их появлению.

7. Я предсказываю, что мир снова станет искренним, станет миром верующих людей, будет полон героических деяний, будет полон героического духа. Тогда, и только тогда, он сделается победоносным миром, но что нам до мира и его побед? Мы, люди, слишком много говорим о нем. Пусть каждый из нас предоставит мир самому себе; разве каждому из нас не дана личная жизнь?

Жизнь – короткое, очень короткое время между двумя вечностями; другой возможности у нас нет. Благо нам, если

мы не как глупцы и лицемеры проживаем свой век, а как мудрые, настоящие, истинные люди. оттого что мир будет спасен, мы не спасемся; мы не погибнем, если погибнет мир. обратим поэтому внимание на самих себя. наша заслуга и наш долг состоят в выполнении той работы, которая у нас под рукой. К тому же, по правде говоря, я никогда не слышал, чтоб «мир» можно было «спасти» иным путем. Страсть спасти миры перешла к нам от XVIII века с его поверхностной сентиментальностью. Не следует увлекаться слишком сильно этой задачей! Спасение мира я охотно доверяю его Создателю; сам же лучше позабочусь, насколько возможно, о собственном спасении, на что я имею гораздо больше права.

8. Великий закон культуры гласит: дайте каждому возможность сделаться тем, чем он способен быть, дабы он мог развернуться во весь свой рост, преодолеть все препятствия, оттолкнуть от себя все чуждое, особенно всякие вредные наносные явления и, наконец, предстать в своем собственном образе, во всем своем величии, каковы бы они ни были. Не бывает единообразия превосходства ни в физическом, ни в духовном мире – все настоящие вещи таковы, какими они должны быть. Северный олень очень добр и красив, точно так же и слон.

9. Первая обязанность человека – подавить чувство страха. Мы должны быть свободны от него, иначе мы не можем действовать. Иначе поступки наши – поступки рабов; не искренние, а лишь для глаза, даже мысли наши фальшивы: мы

мыслим, как рабы и трусы, пока не научились попирать страх ногами. Мы должны быть мужественны, идти вперед, храбро завоевать свободу – в спокойной уверенности, что мы призваны и избраны высшей силой, – и не должны бояться. насколько человек побеждает страх, настолько он – человек.

10. В этом мире даже бодрый человек может быть не уверен в столь многом относительно того, как он живет, ему необходимо быть хотя бы уверенным в себе. Ни один человек, желающий сделать что-нибудь значительное, не может надеяться на успех иначе как при условии, что он решит: «я хочу совершить это или умереть». Потому что мир всегда представлялся здравому смыслу каждого отдельного человека в большей или меньшей степени домом сумасшедших.

11. Велик тот миг, когда до нас доходит весть о свободе, когда долго закрепощенная душа освобождается от своих пут и пробуждается от печального стояния на одном месте, хотя бы слепо и в замешательстве и именем Создателя клянется, что она хочет быть свободной. Свободной? Поймите это хорошенько, то ясно, то смутно все существо наше глубоко проникнуто законом: будь свободен. Свобода – единственная цель, к которой, разумно или нет, стремится вся борьба, все старания людей на земле. Да, это высокий миг (знаком ли он тебе?): первый взгляд на охваченный пламенем Синай в пустыне нашей жизни – нашего паломничества, которому отныне столб дыма днем и огненный столб ночью будут указывать дорогу.

12. Люди привыкли всем лицам и всем вещам, начиная с ничтожнейших книг и кончая церковными епископами и государственными деятелями, предлагать вопрос, в каком парике и в какой черной треуголке гуляют они по свету, вместо того чтоб спросить у них, кто призвал их к деятельности? о Боже! Мне отлично знакома твоя треуголка, отлично известно и то, кто призвал тебя, но во имя Бога спрашиваю я тебя: кто ты? Что ты собою представляешь? Не ничто, отвечаешь ты! Ну, так скажи, насколько же, и что же ты, наконец, – это именно то, чего мне хотелось бы знать и что я должен знать и поскорее!

13. Настоящий не стоящий на месте человек, если он только не манекен, какую бы сущность вы ему ни вложили в душу, сумеет ее более или менее двинуть вперед. Самое нескладное, бестолковое в мире он сумеет сделать несколько менее нескладным. Негибкое он сделает более подвижным – вот польза от его существования в мире.

14. Прежде всего отыщите человека; тогда вы уже всего достигли. Он может научиться всему – быть сапожником, произносить приговоры, управлять государствами, и все это сделает так, как можно ожидать от человека.

Возьмите с другой стороны не-человека, и у вас в руках будет ужаснейший «татарин» в мире, который быть может тем страшней, чем он с виду тише и мягче. Беды, какие способна наделать одна только глупая голова, какие способна наделать всякая глупая голова в мире, кишащем таким бес-

конечным множеством последствий, не поддаются подсчету. Уже не понимающий своего дела шарлатан-сапожник может причинить немало зла, о чем свидетельствуют мозольные операторы и люди, доведенные до необходимости носить с отчаяния одну лишь войлочную обувь. Подумайте же о том, сколько зла может сделать шарлатан-священник, шарлатан-король!

15. Гений, поэт, – знаем ли мы, что означают эти слова? Подаренная нам вдохновенная душа, непосредственно из великого горнила природы присланная, чтобы видеть правду, вещать ее и совершать. Это – священный голос природы, раздающийся снова сквозь бесплодную, бесконечную чашу слухов, болтовни и трусости, в которой заблудился доведенный до края гибели мир.

16. Гений, о котором известная дама сказала, что он не имеет пола, ни в коем случае не принадлежит к какому-нибудь сословию; поэтому образование не должно гордиться своим искусственным светом, часто лишь тлеющим или фосфорическим, там, где мы имеем дело с загоревшейся искрой Божьей.

Мы начинаем сознавать, что аристократическая снисходительность, с учтивой улыбкой с высоты трона, воздвигнутого из книг в дорогих переплетах, признающая, что «для человека из народа» это очень мило, совершенно неуместна теперь. настало несчастное время в истории человечества, когда наименее образованный – прежде всего и наименее ис-

коверканый и при обилии выпуклых, вогнутых, зеленых и желтых очков не потерял способности видеть собственными глазами. В наше время человек, владеющий пером точно так же, как и молотком, не должен возбуждать удивления.

Тем не менее снисходительно-доброжелательное отношение так широко распространено, что нам кажется полезным взглянуть на обратную сторону дела. Я полагаю, что для способного от природы человека, имеющего в себе зародыши сильного характера – особенно, если его склонности указывают на поприще литературы и предназначают его быть мыслителем и писателем, – для такого человека, говорю я, в наше странное время не было бы большим несчастьем вырасти среди народа, а не среди образованных людей, – быть может, это и вовсе бы не было несчастьем?

Все люди наталкиваются на избыток препятствий, потому что духовный рост должен быть задержан и остановлен и должен пробиваться сквозь затруднения, иначе он совершенно остановится. Мы сознаем, что посредством личностей беспрестанное воспитание и обучение языкам, танцам, правилам приличия, как это практикуется во всех странах у людей высокопоставленных, дает известное превосходство, в худшем случае кажущееся превосходство над средними людьми низшего класса: так что обыкновенно праздный человек по сравнению с человеком трудящимся почти всегда оказывается более милым; у него кругозор шире, яснее.

Во многих отношениях, если даже взглянуть на дело глуб-

же, он имеет преимущество над тружеником. Противоположное верно лишь для необыкновенных личностей, одаренных зародышем неукротимой силы, которая во что бы то ни стало достигнет развития. Для таких зародышей всего лучше та почва, на которой он свободнее будет расти. Там, где есть охота, должен найтись и путь. одновременно с гением человек бывает одарен и возможностью развития, даже уверенностью в развитии. часто случается, что неумелое окапывание и удобрение вреднее, чем отсутствие ухода, и убивает то, что слепой жестокий случай щадит. редко бывает, чтобы какой-нибудь Фридрих или Наполеон воспитывались с целью подготовить их к последующей деятельности, чаще всего даже их подготовка осуществляется совсем иным путем, в одиночестве и страдании, в нужде и при неблагоприятных обстоятельствах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.